

Ужасные дети Бернардо Бертолуччи

Сюзен ХОУАРД

Новый фильм Бернардо Бертолуччи “Мечтатели” снят по роману Жильбера Адэра, он также написал сценарий. Фильм рассказывает о молодых людях, которые ищут себя во время студенческих волнений 1968 года. Мэтью (Майкл Питт), молодой американский студент, приезжает в Париж, где знакомится с Тео (Луи Гаррель) и его сестрой Изабель (Ева Грин). Их родители уехали, квартира пуста, и они приглашают Мэтью пожить у них. Постепенно невинные игры перерастают в драматические конфликты, и молодые люди начинают задаваться вопросами об эмоциях, страстях, сексуальности и идеалах, которые они исповедуют.

– Что конкретно привлекло вас в этой истории?

– Когда я читал книгу Адэра, мне казалось, что я читаю “Ужасных детей” Кокто, переселенных в 1968 год. Меня заинтересовали их отношения: между этой троицей все так сложно и запутанно. Об “Ужасных детях” Кокто однажды высказался так: “В этой песне я хочу легко говорить о серьезном и серьезно – о легком”. Во время съемок я все время старался помнить, что это должно быть очень эмоционально и в то же время – легко, светло, прозрачно. Когда я вспоминаю эротические сцены в “Последнем танго в Париже”, мне кажется, что доминирующей темой в них была мрачность, безысходность, разрушительность, трагичность, потому что главный герой был трагической фигурой. А когда я думаю о сексуальности в “Мечтателях”, я вижу легкость, радость.

– Чем был для вас 1968 год?

– В те годы секс считался чем-то революционным. Секс означал единение, стремление идти в ногу с новейшими тенденциями в политике, музыке, кино. Ничто не было изолировано – все воспринималось в неразрывной связи с остальными элементами бытия. Возможность жить в ту эпоху – это высочайшая привилегия. И то, что сегодняшняя молодежь многое упускает в своей жизни – не ее вина. Они просто не знают, что это такое: жить в мире, который ты можешь изменить, получить шанс совершить что-то глобальное, реализовать свои мечты.

– Почему вы пригласили именно этих актеров? Почему Майкл Питт, а не, скажем, Джейк Джилленхоол?

– Я подумал, что Майкл очень хорошо подойдет на роль наивного провинциального парниш-

ки. Я встречался с ним и двумя-тремя другими актерами во время проб, которые я проводил в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. Но потом, прежде чем принимать окончательное решение, я поехал в Лондон и встретился с Джейком Джилленхоолом. Он мне очень понравился. Я посмотрел, как он играет на сцене. Он прекрасный актер, но мне сразу стало ясно, что он будет страдать из-за необходимости обнажаться. Это было ясно после первого же нашего разговора. Я знаю, что он – один из тех одержимых ролью актеров, которые стремятся знать о своем герое абсолютно все и хотят получить объяснение относительно каждого слова и жеста. Я представил себе, как в каждой эротической сцене мне придется объяснять ему, что чувствует и испытывает его герой и почему он раздевается. Я бы не мог объяснять ему, потому что я сам никогда бы не смог раздеться перед камерой. Я не виню его в чрезмерной аналитичности или лицемерии – это моя вина, а не его. И тогда я решил, что буду снимать этого парня из Нью-Йорка с пухлыми губами. Майкла Питта. Я видел его в “Задире” (Bully), он там просто великолепен.

– Как вы выбирали двух других исполнителей?

– Мы нашли Луи Гарреля в первый же день во время первой сессии кинопроб в Париже. Он вошел в комнату, и мы сказали: “Привет, Тео”. Девушку искали немного дольше. Я встречался с дюжиной претенденток.

– Вы полагаете, что американские актеры слишком сильно переживают из-за обнаженной натур?

– Не знаю. Я не думаю, что этим страдают только американские актеры. Когда я снимал “Последнее танго в Париже”, мой друг, актер Жан-Пьер Лео, едва не отказался сниматься. Он сказал: “Я не могу раздеться перед камерой”. А ведь он не американец, он коренной француз. Так что дело не в национальности.

– А вам часто приходится сталкиваться с сопротивлением актеров, когда дело доходит до обнаженки?

– Со мной этого никогда не случалось. И далеко не во всех моих фильмах героям приходится раздеваться. Мне очень странно читать рецензии, выходящие в США. Многие в этой стране воспринимают мои фильмы как описания грязного развратника. Я никогда не думал, что кто-то может так отне-

стись к моим фильмам. Больше всего меня возмущает, когда в какой-нибудь рецензии задается вопрос: “Неужели нельзя было обойтись без обнаженки?” И каждый раз я думаю: а почему этих вопросов никогда не задавали Пикассо? Ведь он нарисовал тысячи обнаженных тел. Или Рубенсу.

– В квартире, где оказываются персонажи, складывается легкомысленная, безответственная атмосфера, контрастирующая с тем, что происходит снаружи, где свершается революция. Как вам удалось добиться от актеров такой спонтанности и непринужденности в сценах, где они обнажены не только физически, но и морально?

– Не знаю. Все, что я могу сказать, – актеры делали то, что им нравилось делать. Я именно этого и добивался – атмосферы легкости, необязательности. Пока эти дети изучают друг друга, отгородившись от окружающей действительности стенами квартиры, на улице происходит нечто важное. Мы видим, как ночью молодые люди бегают с красными флагами, а за ними гоняется полиция. А потом на улицах происходят взрывы, и их призывает История. По сути, История спасает их от того, что происходит в квартире.

– И к этому моменту они осознают себя?

– Да, они индивидуалисты, они не хотят впускать чужих людей в свою частную жизнь и не хотят выпускать частную жизнь на улицу. Но все перемешалось – личное и общественное, частное и глобальное.

– Говорят, что первый вариант сценария склонялся в пользу гомоэротического секса.

– В первом варианте действительно было много гомосексуальных сцен, но я решил, что это перебор. Я сказал Жильберу: “Пожалуйста, не надо называть меня предателем – я заранее предупреждаю тебя, что в фильме будет совершенно другая концепция”. Он ответил: “Можешь изменять сюжетные ходы, – но постарайся сохранить дух книги”. Надеюсь, мне это удалось.

– Вы могли бы охарактеризовать свой фильм с одной фразой?

– Это послание надежды современной молодежи. В 1968 году было предвкушение будущего, вера в то, что можно сделать мир лучше, и ты лично можешь принять в этом участие. Сегодня никто не ощущает ничего подобного. Мне хотелось бы напомнить об этом ощущении.

– Вы – один из немногих режиссеров, снимающих в 60 лет фильмы о молодежи.

– Я кажусь вам стариком, не так ли? Я очень долго не мог почувствовать себя зрелым человеком, потому что мой отец дожил до 90 лет, и я все время ощущал себя в первую очередь сыном, а потом уже – всем остальным. Отец умер три года назад, и я из подростка превратился в старика, минуя зрелость. Снимая “Мечтателей”, я впервые чувствовал себя по-отечески по отношению к актерам.

– Ваш отец Атилио был известным поэтом. Вы многому у него научились?

– Все, что я знаю о жизни, я получил от него. Но он никогда не навязывал мне своего мнения. Он всегда поддерживал меня. Он любил все мои фильмы – за исключением “Последнего танго в Париже”. После этого фильма он был в панике: “Ты с ума сошел? Что ты наделал? Тебя посадят в тюрьму за этот фильм!”

– Как вы думаете, можно ли рассматривать события “Мечтателей” как параллель тому, что происходит с современной молодежью, которая тоже выходит на демонстрации протеста?

– Сегодня все иначе. Молодые скорее объединятся в Интернет, чем на улице. Хотя и сегодня они выходят на демонстрации. В Генуе, в 2001 году полиция вела себя очень жестоко. Последний кадр моего фильма – полицейские нападают на демонстрантов. Снимая этот кадр, я думал о том, что произошло в Генуе. Конечно, сегодняшние молодежные группировки совсем другие, но существует духовная связь между ними и мечтателями 1968 года. Хотя сегодня у них другие ценности. Сегодня они думают о том, как найти баланс между мировыми богатствами. В 1968 году мечтали о другом.

– Вы можете сравнить “Мечтателей” с другими фильмами в вашей карьере?

– Моя единственная цель – не ставить перед собой целей. (Смех). Я не знаю, чего я добился. Я не могу пересматривать свои фильмы. Недавно я разговаривал с Педро Альмодоваром. Мы говорили о том, как трудно пересматривать старые фильмы, потому что они кажутся очень плохими. Люди относятся к моим фильмам серьезно, но я сам не могу относиться к ним серьезно. И к себе тоже.

Жизнь и сцена –